

Цзян Суйчжоу мысленно осыпал его проклятиями.

«Преклонить колени? Тебе бы ноги переломать, посмотрел бы я, как ты сам их преклонишь».

Он поднял взгляд на государя, а затем обвел глазами зал: большинство придворных так и лучились злорадством, предвкушая интересное зрелище. Для них травля принца и Хо Уцзю была, должно быть, самым долгожданным номером праздничной программы.

Помедлив, Цзян Суйчжоу поднялся и чинно поклонился брату.

— Мои супруг проявил дерзость, прошу Его Величество о снисхождении, — произнес он.

Услышав это, император неспешно прожевал креветку и лениво усмехнулся:

— Хм, о снисхождении. И как же ты предлагаешь мне тебя простить?

Цзян Суйчжоу мельком глянул на Хо Уцзю.

— Хотя ноги этого существа не в порядке, он всё равно обязан выразить должное почтение, — его взгляд был ледяным и полным презрения, словно он коснулся чего-то нечистого, а в голосе сквозили нетерпение и ненависть.

Затем он вскинул глаза на стоящего позади Мэн Цяньшаня:

— Чего стоишь? Живо притащи его сюда. Сегодня, даже если придется тащить его волоком, он обязан коснуться лбом пола перед Его Величеством.

Последние слова он буквально выплюнул.

Ни у кого не осталось сомнений: принц Цзин действительно люто ненавидел этого Хо Уцзю, которого ему навязали. Если он так ведет себя на людях, то что же творится за закрытыми дверями?

Азарт в глазах императора вспыхнул с новой силой.

Мэн Цяньшань же, стоя за столиком, замер с открытым ртом. Он знал, что принц должен притворяться... но неужели тот решил взяться за дело всерьез?!

«Что же делать, что делать!»

В этот момент он заметил, как Цзян Суйчжоу едва заметно нахмурился и ожёг его холодным взглядом.

— Будь осторожен с руками, — бросил принц. — Смотри, чтобы его грязная кровь не попала на ковры, нечего навлекать дурные предзнаменования на праздник брата.

На больших дворцовых пирах, а особенно в день рождения монарха, вид крови считался крайне дурной приметой — это было давним правилом династии Цзин.

Услышав это, император тут же спросил:

— Какая еще «грязная кровь»?

Цзян Суйчжоу взглянул на Мэн Цяньшаня, медленно моргнул и сухо ответил:

— Ничего особенного. Просто нужно быть аккуратнее.

Затем он снова прикрикнул на евнуха:

— Если хоть капля упадет на пол — прикажу отрубить тебе голову.

Мэн Цяньшань подпрыгнул на месте, поймал взгляд принца и... его внезапно озарило.

«Точно-точно! Перед выходом принц же давал наставления!»

Мэн Цяньшань рухнул на колени перед троном с гулким стуком:

— Ваше Величество, пощадите! Ноги супруги... вчера принц... это вышло случайно! Раны на ногах сейчас кровоточат от малейшего прикосновения, до сих пор не затянулись... Раб... раб не смеет осквернять ваш праздник дурными знаменами!

Он говорил запинаясь и дрожа, и присутствующие тут же сделали вывод: Цзян Суйчжоу вчера заигрался в своих извращенных забавах и окончательно искалечил пленного генерала.

Император почувствовал глубокое удовлетворение.

Прав был дядя: самое веселое — это не бить собак самому, а запереть двух псов в одной клетке и смотреть, как они рвут друг друга на части.

Однако...

Удовольствие удовольствием, но вид крови на пиру действительно его пугал. Он не боялся заветов предков, но был суеверен и опасался, что небо разгневается и укоротит его веку. Впрочем, лицо перед придворными терять было нельзя.

Улыбка императора стала шире. Он перевел взгляд с Цзян Суйчжоу на Хо Уцзю и обратно.

Наконец, он посмотрел на брата:

— Ну что ж, пусть так. Я ведь не тиран какой, чтобы любоваться на кровь, — сказал он.

Цзян Суйчжоу внутренне выдохнул, но не забыл изобразить на лице тень досады и злобно зыркнуть на Хо Уцзю.

Однако радоваться было рано. Император продолжил:

— Но раз он твоя наложница, вы ведь теперь как единое целое, не так ли? — он рассмеялся.

Цзян Суйчжоу поднял на него глаза.

— Вот и преклони колени за него, — торжествующе объявил государь.

Вокруг сидели десятки чиновников, и все взгляды теперь были прикованы к принцу. Император явно решил воспользоваться случаем и лишний раз втоптать достоинство брата в грязь.

Цзян Суйчжоу глубоко вздохнул и сжал зубы.

Он так и знал, что этот никчемный тиран по указке Пан Шао не оставит его в покое.

«Ладно. Сколько я уже натерпелся от этого ничтожества ради Хо Уцзю? Лишний раз коснуться лбом пола — всего лишь позор, переживу».

Он быстро подавил гордость и приготовился изобразить на лице вынужденную покорность, ожидая, когда император нажмет посильнее, чтобы он мог «нехотя» исполнить приказ.

Но в этот миг в тишине зала раздался низкий, спокойный голос:

— С какой стати он должен это делать за меня?

В словах сквозило неприкрытое пренебрежение.

Цзян Суйчжоу замер.

«Хо Уцзю, что ты творишь?!»

Он в изумлении обернулся. Все придворные тоже уставились на генерала.

Тот сидел в кресле, прямо и гордо, глядя прямо на императора через весь зал.

И тут уголок его губ едва заметно приподнялся в ленивой, вызывающей усмешке.

В этот миг, словно солнечный луч прорезал мглу ущелья, его резкие, хищные черты лица преобразились. Он стал похож на боевое знамя, вновь поднятое ветром, на сигнальный огонь, вспыхнувший над крепостной стеной.

Казалось, именно таким он и был на самом деле — гордым, опасным и ослепительным.

Хо Уцзю продолжил ровным голосом:

— Я, Хо Уцзю, как верный подданный, склоняю колени только перед своим сувереном. По какому праву он может заменить меня?

Его голос звучал высокомерно и уверенно.

Император побагровел, его глаза округлились от ярости.

— Свой суверен?! — прошипел он сквозь зубы. — Весь род Хо — исконные слуги моего государства Цзин, цепные псы, которых мы кормили! Какой еще у тебя может быть суверен?!

Хо Уцзю в ответ лишь усмехнулся, словно услышал нелепую шутку, и покачал головой.

Цзян Суйчжоу впервые видел его улыбку.

В ней было что-то дикое, но невероятно яркое — как блеск клинка, выкопанного из песка под лучами палящего солнца.

— Даже если род Хо — сторожевые псы, то ныне они не в вашей власти, — сказал он. — Завет предков гласит: сдерживать внешнего врага и оборонять Ечэнь. Ваше Величество, три года назад Ечэнь был сдан вашим отцом.

Императора затрясло от бешенства.

Как он смеет?! Ечэнь был взят штурмом именно этой «верной» семьей Хо!

Это была пощечина перед всем миром. Он хотел немедленно приказать схватить Хо Уцзю, подвергнуть его тысяче порезов и скормить псам.

Но он не мог. Дядя предупреждал: этот человек нужен живым. К тому же, только живым его можно мучить, заставляя молить о смерти...

Император тяжело задышал, с надеждой глядя на Пан Шао.

А Цзян Суйчжоу, стоящий внизу, едва сдерживал торжествующую улыбку.

Он знал, что император не убьет Хо Уцзю сейчас, но не ожидал, что генерал воспользуется этим, чтобы так открыто бросить вызов тирану.

«Оказывается, он умеет так мастерски выводить из себя? То-то он всё время молчал — талант приберегал!»

Цзян Суйчжоу ликовал в душе, но вовремя вспомнил, что пора вступать в игру, иначе император всё же сорвется. Не убив Хо Уцзю, он мог превратить его жизнь в ад прямо сейчас.

Принц схватил со столика нефритовую пиалу и с силой грохнул её о край стола прямо перед Хо Уцзю.

Маленькая чашка не была грозным оружием, но звон разбитого камня заставил всех вздрогнуть.

Цзян Суйчжоу повернулся к генералу, его лицо исказилось от ярости, дыхание стало прерывистым — казалось, его слабое тело едва справляется с гневом.

— Прекрасно, — процедил он сквозь зубы. — Похоже, я еще не научил тебя, как следует держать язык за зубами.

Его голос звучал так мрачно и зловеще, что у присутствующих мороз пошел по коже. Всем показалось: не будь сейчас праздничного пира, взбешенный принц вцепился бы Хо Уцзю прямо в глотку.

Увидев это, император немного остыл.

Точно, есть же принц Цзин. Не нужно пачкать руки и портить себе праздник — Хо Уцзю за свои слова сполна получит в поместье принца, где его заставят завидовать мертвым.

Пан Шао на возвышении тоже едва заметно качнул головой, подавая знак племяннику усмирить гнев.

Император стиснул челюсти и выдавил:

— Скука. Ладно, я проголодался. Начинайте пир.

В тот же миг придворные поспешно вскинули кубки, делая вид, будто ничего не случилось. Запели флейты, зазвенели струны, и по залу поплыла величественная, торжественная музыка, словно отчаянно пытаясь вытеснить недавнее напряжение.

Император залпом осушил кубок вина.

Странное чувство.

Хотя грызня собак — это всегда весело, почему ему казалось, будто эти двое, сцепившись, не дали ему никакой выгоды?

Цзян Суйчжоу смутно понимал, почему Хо Уцзю так поступил.

Ему верилось с трудом.

Неужели Хо Уцзю действительно рискнул так сильно только ради того, чтобы принцу не пришлось унижаться перед императором?

Генерал наверняка понимал лучше него, что государь — неуравновешенный самодур, способный в гневе приказать утащить его обратно в темницу и заживо содрать кожу.

Сердце Цзян Суйчжоу дрогнуло.

Но он не смел больше смотреть на Хо Уцзю. Ему всё еще нужно было играть роль холодного тирана, для которого наложник — пустое место. Он почти не притронулся к еде, лишь изредка пригублял вино.

Чиновники тоже не смели его беспокоить, обходя его столик стороной во время взаимных приветствий. Это избавило принца от лишних хлопот.

За окнами дождь и не думал стихать. В сиянии ламп звенели кубки, гости постепенно хмелели. Вельможи начали подходить к трону с поздравлениями.

Цзян Суйчжоу скучающе слушал их витиеватые речи, украдкой поглядывая на Хо Уцзю и прокручивая в голове недавние события.

В этот момент он услышал голос одного из сановников.

Тот обладал изрядным красноречием и говорил так долго, что Цзян Суйчжоу с удивлением бросил на него взгляд.

«...Чэнь Ти?»

Тот самый человек, чья жена присылала приглашение Хо Уцзю «полюбоваться цветами».

Цзян Суйчжоу отпил чаю.

В искусстве лести этот человек не знал равных, неудивительно, что он так преуспел под крылом Пан Шао.

И тут Чэнь Ти, осушив кубок, заговорил снова:

— Ваше Величество, в этот радостный день осмелюсь просить об одной милости, — сказал он с подобострастной улыбкой.

— Говори, — отозвался император.

Чэнь Ти улыбнулся и посмотрел в сторону столика принца Цзина:

— На днях моя супруга послала приглашение в поместье принца, желая позвать госпожу

(фужэнь) Хо на прогулку по саду. Но госпожа Хо, будучи человеком новым и скромным, отклонил приглашение.

Он сделал паузу и продолжил:

— Моя супруга очень боится, что тем самым выказала неуважение принцу Цзину, а потому просила меня умолить Ваше Величество: дозвоьте госпоже Хо через полмесяца почтить наш скромный дом своим присутствием на цветочном празднике.

<http://bllate.org/book/16965/1580100>